

ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.13)*

УДК 101

Л.Г. Бабахова*Донской государственный**технический университет**г. Ростов-на-Дону, Россия*

redaction-el@mail.ru

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ
ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ АПАТИИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ****[Lyudmila G. Babakhova On some aspects of the apathy notion transformation
in the context of consumption society]**

It is analyzed the transformation of the concept of apathy in modern society. Having made a long path of development from an ethical ideal, heroic dispassion to indifference and inner emptiness, apathy is one of the specific features of society in the era of consumption. Starting from the XXth century, the concept of apathy is filled with negative content. Apathy takes on the character of specific fatigue or "happy apathy" caused by emotional satiety, and comes down to an indifferent perception of events.

Key words: apathy, consumer society, personality, alienation.

Посмотрим на историю становления значения апатии, можно заметить, что она прошла длительный путь развития. Апатия, понимаемая в античности как героическое бесстрашие, нравственный идеал, дарующий внутреннюю безмятежность и спокойствие духа, к XX в. диаметрально меняет свою направленность. Состояние апатии символизирует безразличие, равнодушие, внутреннее опустошение. Термин апатия возникает в античной этике, где означает бесстрашие как отсутствие аффектов. Уже у киников и мегариков можно встретить этическое понятие апатии, где она истолковывается в качестве полного отсутствия чувств.

В раннем стоицизме (Зенон Китийский, Клеанф, Хрисипп) термин апатия приобретает значение позитивной способности человека, состоящей в

преодолении аффектов, что во многом было обусловлено разрушением классического древнегреческого полиса. Гибель полисной системы привела к разрушению прежних принципов и идеалов, с последующим отчуждением индивида от государства.

В сложившихся социокультурных условиях на первый план выходят попытки обретения стабильности и душевного покоя. «Переход от маленьких, домашних, уютных, во многом общинно организованных полисов к крупным, бюрократическим конгломератам и самоуглубление личности, ее изоляция от мира, уход в себя – были органически связаны между собой» [1, с. 150]. Человек утрачивает ощущение контроля над своей жизнью и полностью отдает себя безграничной власти судьбы. «Стоическая апатия, эпикурейская или скептическая атаксия – идеал, отвечающий духу времени» [5, с. 14].

Ответом на трагическое положение личности в условиях гибели полисной системы явилась героическая твердость духа, практически безнадежное противостояние судьбе, достигаемое состоянием апатии как полного безразличия. Апатия как стойкость духа давала внутреннюю независимость от ударов судьбы.

Стоическая апатия выступила специфической реакцией на сложившийся социокультурный кризис, одной из форм противостояния страху перед окружающей реальностью [6]. Апатия наделялась статусом нравственного императива, образцом поведения добродетельного человека, детерминированного внешними обстоятельствами.

В дальнейшем этическое значение апатии используется Б. Спинозой, а затем И. Кантом. Б. Спиноза истолковывает понятие апатии в качестве своеобразной «культуры мышления». Повседневная жизнь детерминируется аффектами, что ведет к разладу между внутренними желаниями человека и внешним миром. Способность человека возвыситься над своими страстями, подчинить аффекты совпадает с познанием. Апатия приобретает значение господства над аффектами и замене чувств разумом.

И. Кант продолжает линию этической трактовки апатии. С точки зрения И. Канта, подчинение человека страстям есть «болезнь души», исключая действие разума. «Склонность, которую разум субъекта подавляет с трудом или вообще не может подавить, есть страсть. Чувство же удовольствия или неудовольствия в данном состоянии, препятствующее размышлению субъекта (представлению разума, следует ли предаться этому состоянию или проти-

виться ему) есть аффект» [3, с. 284]. Кант проводит сопоставление аффектов со страстями. Если аффективное поведение человека опрометчиво и безрассудно, то страсть действует рассудительно. Под воздействием аффектов человек становится несвободным только на некоторое время, страсти же подчиняют человека надолго, делая его рабом.

«Принцип апатии, который состоит в том, что мудрец никогда не должен находиться в состоянии аффекта, даже если аффект вызван состраданием несчастным своего лучшего друга, – совершенно правильный и возвышенный моральный принцип стоической школы, ибо аффект делает человека (более или менее) слепым» [3, с. 286].

Истинной добродетелью выступает душевное спокойствие, готовое к исполнению долга. В философии Канта, происходит трансформация апатии в моральный императив, заключающийся в способности человека подняться над своими аффектами и страстями, подчинить их разуму.

Возникнув в античной этике как героическое бесстрашие, нравственный идеал, дающий внутреннюю независимость, освобождающий от пагубного действия страстей, в XX в. апатия кардинально меняет свою направленность, становясь тождественной безразличию, равнодушию, внутреннему опустошению. Апатия как внутреннее опустошение, притупление чувств выступает в виде превалирующего настроения нашего времени [6].

В ситуации нестабильности, характеризующей современную цивилизацию, размытости ценностно-смысловой основы мира, человек оказался дезориентированным в постоянно меняющейся действительности. Ощущение беспомощности, невозможность постоянной адаптации к быстро изменяющимся условиям существования во многом характеризуют лицо современности. В качестве одной из причин превращения человека в апатичное существо, многие мыслители выделяют переход к обществу потребления. Потребление становится основной ценностью современной культуры, в которой свобода начинает отождествляться с потребительским выбором, а само потребление выступает как средство самореализации индивида. Основными источниками социальной апатии в современном обществе потребления являются неукорененное, нестабильное положение человека в мире, отчуждение системы духовных ценностей и человеческих связей.

По мнению Ж. Липовецки, радикальные изменения в жизнедеятельности индивидов привнесла эпоха массового потребления. Разрушение некогда целостной картины мира, переоценка социальных ценностей, смещение акцентов на индивидуалистические ценности, провозглашающие идеи личного благосостояния, во многом привели к дестабилизации личности.

Складывающаяся ценностно-мировоззренческая система направлена на развитие индивидуалистической идеологии, раскованность в поведении и мышлении, свободу личности, свободу мышления, законность удовольствий, право индивида быть самим собой и получать от жизни наслаждения, где самодостаточность характеризуется страстью к потреблению, а общественные институты ориентированы на мотивации и желания. Однако расплатой за бесконечное потребление становится апатия, равнодушие. Эмоциональная пустота, царящая в обществе, не вызывает ни трагизма, ни сожаления, «отныне можно жить не имея перед собой ни цели, ни смысла, словно по кем-то написанному сценарию» [4, с. 63].

Интернациональная культура эпохи потребления, основанная на удовлетворении потребностей, дискредитировала традиции и обычаи, в корне изменив отношение человека к вещам, самому себе и другим людям.

Результатом круговорота потребления выступает появление чувства пресыщения, эмоциональной «усталости». Данное чувство характеризуют как «счастливую апатию», характерную для постиндустриальных обществ, где усталость от пресыщения потреблением свидетельствует о дисгармоничном развитии общества.

По мысли Ж. Бодрийера, специфическая усталость вызвана не физическим переутомлением или эмоциональным выгоранием, она указывает на тот факт, что «общество, которое представляет и видит себя всегда в состоянии прогресса, направленного на уничтожение усилия, разрешение напряжений, на обеспечение все большей легкости и автоматизма, является фактически обществом стресса, напряжения, допинга, в котором общий баланс удовлетворения указывает на все больший дефицит, при котором индивидуальное и коллективное равновесие оказывается все более скомпрометировано в той самой мере, в какой множатся технические условия его реализации» [1, с. 230].

Усталость является своеобразной реакцией на существующую ситуацию, «пассивным отказом» современного человека от предлагаемых условий существования. Эту «патологическую» усталость, по мнению Бодрийера, нельзя излечить ни спортом, ни транквилизаторами или стимуляторами, «ибо усталость – это скрытый протест, который оборачивается против себя и воплощается в собственном теле, потому что в некоторых условиях это единственное, на что безвластный индивид может свалить вину... Усталость – это активность, скрытое, хроническое восстание само по себе бессознательное» [1, с. 232].

Общество потребления выдвигает на первый план приоритеты частной сферы, утверждая «жизнь без категорических императивов». В данном обществе стираются границы и запреты, гедонистический индивидуализм не встречает препятствий, свободная личность возводится в ранг высшей ценности. Однако характерными чертами потребительского общества выступают всеобщее равнодушие, апатия и пустота, именно потому, что оно «больше не имеет ни идолов, ни запретов; у него нет ни величественных образов, в которых оно видит себя, ни исторических замыслов, которые мобилизуют массы. Отныне нами правит пустота, которая не является ни трагической, ни апокалиптической» [4, с. 23].

По мнению Ж. Липовецки, равнодушный человек ни к чему не привязан, готов к различным изменениям, индифферентен к каким-либо общественным идеалам и ценностям, он озабочен только стремлением реализовать свои собственные интересы, обрести свое собственное «Я». «Европейский нигилизм, согласно анализу Ницше, в той мере, в какой он касается печального обесценивания всех высших ценностей и отрицания смысла жизни, более не соответствует этой массовой демобилизации, которая не сопровождается ни отчаянием, ни ощущением бессмысленности происходящего.... Бог мертв, великие цели поблекли, но всему миру на это наплевать...» [4, с. 60].

В апатичном обществе могут сосуществовать различные вкусы и модели поведения, не в коей мере, не исключая друг друга, можно «жить в эпоху вседозволенности и в то же время почитать религиозные законы (на выбор)» [4, с. 67]. Индивид, рожденный таким обществом, занят самим собой и безразличен ко всему остальному. Апатия во многом порождается отчуждением, однако такой человек, по мнению Липовецки, «не является ни

пессимистическим декадентом Ницше, ни угнетенным тружеником Маркса; он скорее напоминает телезрителя, пытающегося «прогнать» одну за другой вечерние программы; потребителя, наполняющего свою кошелку; отпускника, колеблющегося между пребыванием на испанских пляжах и жизнью в кемпинге на Корсике» [4, с. 68].

Современный индивидуализм приводит к появлению человека нового типа – самовлюбленного «человека-нарцисса», увлеченного освобождением собственного Я, самопознанием и самосовершенствованием, неотягощенного социальными и моральными ценностями в силу их размытости и относительности. «Человек-нарцисс» занят заботой о себе и своем теле, он стремится к собственному материальному благополучию, освобожден от идеалов и высоких целей. Благодаря развитию общества потребления такой стиль жизни стал теперь не просто возможным, но и востребованным. Человек озабочен сохранением своей частной сферы, и пытается приспособить настоящее к своим собственным нуждам.

С развитием и утверждением потребительского общества апатия становится экзистенциальной проблемой, реакцией на изобилие и скорость получения информации. Таким образом, апатия, начинающаяся с чувства беззаботности, стремления к невозмутимости, легко превращается в отстраненность и безучастность, в полное отсутствие интереса к жизни и нежелание принять участие в важных событиях [6].

Претерпев различные трансформации, от античного этического истолкования как героического бесстрастия и нравственного идеала, апатия в современности утрачивает свое позитивное содержание и сводится к равнодушию, внутренней опустошенности и отстраненности, выступая одной из специфических черт общества.

Апатия как душевное спокойствие, моральный императив, заключающийся в способности человека возвыситься над своими аффектами и страстями, подчинить их разуму, начиная с XX в., приобретает характер специфической усталости, «счастливой апатии», вызванной эмоциональным пресыщением, и сводится к равнодушному восприятию событий, происходящих в окружающей действительности, упрощению чувств, ослаблению побуждений и интересов.

Жизнедеятельность, организованная по принципу удовлетворения потребностей, без ориентации на общечеловеческие смыслы и ценности, не вступает в противоречие с общепринятыми нормами, но ведет к отчуждению, утрате и упрощению эмоциональных связей человека с миром и другими людьми.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
2. *Гусейнов А.А., Иррлиц Г.* Краткая история этики. М.: Мысль, 1997.
3. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // *Кант И.* Сочинения: В 8 т. Т. 7. М.: Чоро, 1994.
4. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Вл. Даль, 2001.
5. *Столяров А.А.* Стоя и стоицизм. М.: АО «Ками Групп», 1995.
6. *Яременко С.Н., Пазина Л.О., Бабахова Л.Г.* Социокультурный габитус апатии в транзитивном обществе. Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2010.

R E F E R E N C E S

1. *Baudrillard J.* Consumer Society. Its myths and structures. M.: Republic; Cultural Revolution, 2006.
2. *Huseynov A.A., Irrlitz G.* A brief history of ethics. M.: Thought, 1997.
3. *Kant I.* Anthropology from a pragmatic point of view // *Kant I.* Works: In 8 vol. Vol. 7. M.: Choro, 1994.
4. *Lipovetsky J.* Era of emptiness. An essay on contemporary individualism. SPb.: Vl. Dahl, 2001.
5. *Stolyarov A.A.* Standing and stoicism. M.: Kami Group, 1995.
6. *Yaremenko S.N., Pazina L.O., Babakhova L.G.* Sociocultural habitus of apathy in a transitive society. Rostov-on-Don: DSTU Publishing Center, 2010.

10 декабря 2019 г.